
Малое
собрание
сочинений

Джонатан СВИФТ

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

Путешествия
в некоторые отдаленные
страны света
Лемюэля Гулливера,
сначала хирурга,
а потом капитана
нескольких кораблей

**ПИСЬМО КАПИТАНА ГУЛЛИВЕРА
К СВОЕМУ РОДСТВЕННИКУ
РИЧАРДУ СИМПСОНУ**

Вы не откажетесь, надеюсь, признать публично, когда бы вам это ни предложили, что настойчивыми и частыми просьбами вы убедили меня опубликовать очень небрежный и неточный рассказ о моих путешествиях, посоветовав нанять нескольких молодых людей из любого нашего университета для приведения моей рукописи в порядок и исправления слога, как поступил, по моему совету, мой родственник Демпиер со своей книгой «Путешествие вокруг света». Но я не помню, чтобы предоставил вам право соглашаться на какие-либо пропуски и тем менее на какие-либо вставки. Поэтому, что касается последних, то настоящим заявлением я отказываюсь от них совершенно; особенно от вставки, касающейся блаженной и славной памяти Ее Величества покойной королевы Анны, хотя я уважал и ценил ее больше, чем всякого другого представителя человеческой породы. Ведь вы, или тот, кто это сделал, должны были принять во внимание, что мне несвойственно, да и было неприлично, хвалить какое-либо животное нашей породы перед моим хозяином *гуигнгам*. Кроме того, самый факт совершенно неверен: насколько мне известно (в царствование Ее Величества я жил некоторое время в Англии), она управляла при посредстве первого министра, даже двух последовательно: сначала первым министром был лорд Годолфин, а затем лорд Оксфорд. Таким образом, вы заставили меня *говорить то, чего не было*. Точно

так же в рассказе об Академии прожектеров и в некоторых частях моей речи к моему хозяину *гуигнгнму* вы либо опустили некоторые существенные обстоятельства, либо смягчили и изменили их таким образом, что я с трудом узнаю собственное произведение. Когда же я намекнул вам об этом в одном из своих прежних писем, то вам угодно было ответить, что вы боялись нанести оскорбление; что власть имущие весьма зорко следят за прессой и готовы не только истолковать по-своему все, что кажется им *клеветническим намеком* (так, помнится, выразились вы), но даже подвергнуть за это наказанию. Но позвольте, каким образом то, что я говорил столько лет тому назад на расстоянии пяти тысяч лиг отсюда, в другом государстве, можно отнести к кому-либо из *еху*, управляющих теперь, как говорят, нашим стадом, особенно в то время, когда я совсем не думал и не опасался, что мне выпадет несчастье жить под их властью? Разве не достаточно у меня оснований сокрушаться при виде того, как эти самые *еху* разъезжают на *гуигнгнмах*, как если бы они были разумными существами, а *гуигнгнмы* — бессмысленными тварями. И в самом деле, главную причину моего удаления сюда было желание избежать столь чудовищного и омерзительного зрелища.

Вот что почел я своим долгом сказать вам о вашем поступке и о доверии, оказанном мною вам.

Затем мне придется пожалеть о собственной большой оплошности, выразившейся в том, что я поддался просьбам и неосновательным доводам как вашим, так и других лиц и, вопреки собственному убеждению, согласился на издание моих «Путешествий». Благоволите вспомнить, сколько раз просил я вас, когда вы настаивали на издании «Путешествий» в интересах общественного блага, принять во внимание, что *еху* представляют породу животных, совершенно неспособных к исправлению путем наставлений или примеров. Ведь так и вышло. Уже более полугода, как книга моя служит предостережением, а я не только не вижу, чтобы она положила конец всевозможным злоупотреблениям и порокам, — по крайней мере, на нашем маленьком острове, как я имел осно-

вание ожидать, — но и не слышал, чтобы она произвела хотя бы одно действие, соответствующее моим намерениям. Я просил вас известить меня письмом, когда прекратятся партийные распри и интриги, судьи станут просвещенными и справедливыми; стряпчие — честными, умеренными и приобретут хоть капелючку здравого смысла; Смитфилд озарится кострами юридических книг; в корне изменится система воспитания знатной молодежи; будут изгнаны врачи; самки *еху* украсятся добродетелью, честью, правдивостью и здравым смыслом; будут основательно вычищены и выметены дворцы и министерские приемные; вознаграждены ум, заслуги и знание; все, позорящие печатное слово в прозе или в стихах, осуждены на то, чтобы питаться только бумагой и утолять жажду чернилами. На эти и на тысячу других преобразований я твердо рассчитывал, слушая ваши уговоры; ведь они прямо вытекали из наставлений, преподанных в моей книге. И должно признать, что семь месяцев — достаточный срок, чтобы избавиться от всех пороков и безрассудств, которым подвержены *еху*, если бы только они имели малейшее расположение к добродетели и мудрости. Однако на эти ожидания не было никакого ответа в ваших письмах; напротив, каждую неделю вы обременяли нашего разносчика писем пасквилями, ключами, размышлениями, замечаниями и вторыми частями; из них я вижу, что меня обвиняют в поношении сановников, в унижении человеческой природы (ибо у авторов хватает еще дерзости величать ее так) и в оскорблении женского пола. При этом я нахожу, что сочинители этого хлама даже не столковались между собой: одни из них не желают признавать меня автором моих «Путешествий», другие же приписывают мне книги, к которым я совершенно непричастен.

Далее, я обращаю внимание на крайнюю небрежность вашего типографа, допустившего большую путаницу в хронологии и ошибки в датах моих путешествий и возвращений и нигде не проставившего правильно ни год, ни месяц, ни число. Между тем я слышал, что оригинал совершенно уничтожен по отпечатании книги, а копии у меня не оста-

лось. Тем не менее я посылаю вам несколько исправлений, которыми вы можете воспользоваться, если когда-либо понадобится второе издание книги. Впрочем, я не буду настаивать на них и отдаю вопрос на суд рассудительных и беспристрастных читателей; пусть они поступают, как им угодно.

Слышал я, что некоторые из наших *еху*-моряков находят ошибки в моем морском языке, считая его во многих случаях неправильным и в настоящее время устаревшим. Ничего не могу поделать. Во время моих первых путешествий, когда я был молод, я прошел выучку у старшего поколения моряков и усвоил их язык. Но впоследствии я убедился, что морские *еху* так же склонны выдумывать новые слова, как и сухопутные *еху*, которые чуть ли не ежегодно настолько меняют свой язык, что при каждом возвращении на родину я, помнится, находил большие перемены в прежнем диалекте и едва мог понимать его. Равным образом, когда какой-нибудь *еху* любопытства ради приезжает ко мне из Лондона, я замечаю, что мы не способны излагать друг другу наши мысли в выражениях, понятных для нас обоих.

Если бы суждения *еху* способны были сколько-нибудь задевать меня, то я имел бы достаточно оснований жаловаться на дерзость некоторых моих критиков, полагающих, что книга моя представляет только плод моей фантазии, и даже позволяющих себе высказывать предположение, будто *гуигнгнмы* и *еху* обладают не большей реальностью, чем обитатели Утопии.

Правда, что касается *лилитутов*, *бробдингрежцев* (ибо следует произносить *Бробдингрег*, а не *Бробдингнег*, как ошибочно напечатано) и *лапутян*, то я должен признаться, что мне еще не приходилось встречать ни одного *еху*, как бы он ни был самоуверен, который решился бы отрицать их существование или оспаривать факты, рассказанные мной относительно этих народов, ибо истина тут настолько очевидна, что сразу же убеждает всякого читателя. Неужели же мой рассказ о *гуигнгнмах* и *еху* менее правдоподобен? Ведь что касается *еху*, то очевидно, что даже в нашем городе их существуют тысячи и они отличаются от своих диких братьев из

Гуигнгнмии только тем, что обладают способностью к бес-
связному лепету и не ходят голыми. Я писал с целью их ис-
правления, а не с тем, чтобы получить их одобрение. Едино-
душные похвалы всей их породы значили бы для меня мень-
ше, чем ржание тех двух выродившихся *гуигнгнмов*, которых
я держу у себя на конюшне; как они ни выродились, я не на-
хожу в них никаких пороков и могу еще кое-что позаимство-
вать у них по части добродетели.

Уж не дерзают ли эти жалкие животные думать, будто
я настолько пал, что выступлю на защиту своей правдиво-
сти? Хотя я и *еху*, но во всей *Гуигнгнмии* отлично известно,
что благодаря наставлениям и примеру моего досточтимого
хозяина я в течение двух лет оказался способным (хоть это
и стоило мне огромного труда) отделаться от адской привыч-
ки лгать, лукавить, обманывать и кривить душой — привыч-
ки, которая так глубоко коренится в самом естестве всей на-
шей породы, особенно у европейцев.

Я мог бы высказать еще и другие жалобы по поводу это-
го досадного обстоятельства, но не хочу больше докучать ни
себе, ни вам. Должен откровенно признаться, что по моем
возвращении из последнего путешествия некоторые пороки,
свойственные моей натуре *еху*, ожили во мне благодаря со-
вершенно неизбежному для меня общению с немногими пред-
ставителями вашей породы, особенно с членами моей семьи.
Иначе я бы никогда не предпринял нелепой затеи реформи-
ровать породу *еху* в нашем королевстве. Но теперь я навсегда
покончил с этими химерическими планами.

2 апреля 1727 года

ИЗДАТЕЛЬ К ЧИТАТЕЛЮ

Автор этих путешествий мистер Лемюэль Гулливер — мой старинный и близкий друг; он приходится мне также сродни по материнской линии. Около трех лет тому назад мистер Гулливер, которому надоело стечение любопытных к нему в Редриф, купил небольшой клочок земли с удобным домом близ Ньюарка в Ноттингемшире, на своей родине, где и проживает сейчас в уединении, но уважаемый своими соседями.

Хотя мистер Гулливер родился в Ноттингемшире, где жил его отец, однако я слышал от него, что предки его были выходцами из Оксфордского графства. Чтобы удостовериться в этом, я осмотрел кладбище в Банбери в этом графстве и нашел в нем несколько могил и памятников Гулливеров.

Перед отъездом из Редрифа мистер Гулливер дал мне на сохранение нижеследующую рукопись, предоставив распоряжаться ею по своему усмотрению. Я три раза внимательно прочел ее. Слог оказался очень ясным и простым; я нашел в нем только один недостаток: автор, следуя обычной манере путешественников, слишком уж обстоятелен. Все произведение, несомненно, дышит правдой, да и как могло быть иначе, если сам автор известен был такой правдивостью, что среди его соседей в Редрифе сложилась даже поговорка, когда случалось утверждать что-нибудь: это так же верно, как если бы это сказал мистер Гулливер.

По совету нескольких уважаемых лиц, которым я, с согласия автора, давал на просмотр эту рукопись, я решаюсь опубликовать ее в надежде, что по крайней мере в продолжение

некоторого времени она будет служить для наших молодых дворян более занимательным развлечением, чем обычное бумагомарание политиков и партийных писак.

Эта книга вышла бы по крайней мере в два раза объемистее, если б я не взял на себя смелость выкинуть бесчисленное множество страниц, посвященных ветрам, приливам и отливам,клонениям магнитной стрелки и показаниям компаса в различных путешествиях, а также подробнейшему описанию на морском жаргоне маневров корабля во время бури. Точно так же я обошелся с долготами и широтами. Боюсь, что мистер Гулливер останется этим несколько недоволен, но я поставил своей целью сделать его сочинение как можно более доступным для широкого читателя. Если же благодаря моему невежеству в морском деле я сделал какие-нибудь промахи, то ответственность за них падает всецело на меня; впрочем, если найдется путешественник, который пожелал бы ознакомиться с сочинением во всем его объеме, как оно вышло из-под пера автора, то я охотно удовлетворю его любопытство.

Дальнейшие подробности, касающиеся автора, читатель найдет на первых страницах этой книги.

Ричард Симпсон

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛИЛИПУТИЮ

ГЛАВА I

*Автор сообщает кое-какие сведения о себе
и о своем семействе. Первые побуждения к путешествиям.*

*Он терпит кораблекрушение, спасается вплавь
и благополучно достигает берега страны лилипутов.*

Его берут в плен и увозят внутрь страны

Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он послал меня в колледж Эмануила в Кембридже, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям; однако издержки на мое содержание (хотя я получал очень скудное довольствие) были непосильны для скромного состояния отца, и поэтому меня отдали в учение к мистеру Джеймсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я провел четыре года. Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на изучение навигации и других отраслей математики, полезных людям, собирающимся путешествовать, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Покинув мистера Бетса, я возвратился к отцу и дома раздобыл у него, у дяди Джона и у других родственников сорок фунтов стерлингов и заручился обещанием, что мне будут ежегодно посылать в Лейден тридцать фунтов. В этом городе в течение двух лет и семи месяцев я изучал медицину, зная, что она мне пригодится в дальних путешествиях.

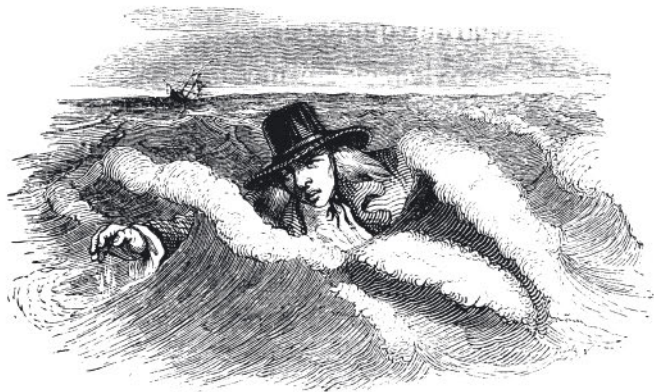
Вскоре по возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего почтенного учителя мистера Бетса, поступил хирургом на судно *Ласточка*, ходившее под командой капитана Авраама Паннеля. У него я прослужил три с половиной года, совершив несколько путешествий в Левант и другие страны. По возвращении в Англию я решил поселиться в Лондоне, к чему поощрял меня мистер Бетс, мой учитель, который порекомендовал меня нескольким своим пациентам. Я снял часть небольшого дома на Олд-Джюри и по совету друзей женился на мисс Мери Бертон, второй дочери мистера Эдмунда Бертона, чулочного торговца на Ньюгет-стрит, за которой получил четыреста фунтов приданого.

Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись: ибо совесть не позволяла мне подражать нехорошим приемам многих моих собратьев. Вот почему, посоветовавшись с женой и некоторыми знакомыми, я решил снова стать моряком. В течение шести лет я был хирургом на двух кораблях и совершил несколько путешествий в Ост- и Вест-Индию, что несколько улучшило мое материальное положение. Часы досуга я посвящал чтению лучших авторов, древних и новых, так как всегда запасался в дорогу книгами; на берегу же наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык, что благодаря хорошей памяти давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий вышло не очень удачным, и я, утомленный морской жизнью, решил сидеть дома с женой и детьми. Я перебрался с Олд-Джюри на Феттер-лейн, а оттуда в Уопинг, надеясь иметь практику между моряками, но эта надежда не оправдалась. Прождав три года улучшения моего положения, я принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца судна *Антилопа*, отправиться с ним в Южное море. 4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле, и наше путешествие было сначала очень удачно.

По некоторым причинам было бы неуместно утруждать читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; довольно будет сказать, что при переходе в Ост-Ин-

дию мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли. Согласно наблюдениям, мы находились на 30°2' южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были крайне обессилены. 5 ноября (начало лета в этих местах) стоял густой туман, так что матросы только на расстоянии полукабельтова от корабля заметили скалу; но ветер был такой сильный, что нас понесло прямо на нее, и корабль мгновенно разбился. Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить лодку и отойти от корабля и скалы. По моим расчетам, мы шли на веслах около трех лиг, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю волн, и через полчаса лодка была опрокинута внезапно налетевшим с севера порывом ветра. Что случилось с моими товарищами по лодке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ноги, но не мог нащупать дно; когда я совсем уже выбился из сил и не способен был больше бороться с волнами, я почувствовал под ногами землю, а буря тем временем значительно утихла. Дно в этом месте было так покато, что мне пришлось пройти около мили, прежде чем я добрался до берега; по моим предположениям, это случилось около восьми часов вечера. Я прошел еще с полмили, но не мог открыть никаких признаков жилья и населения; или, по крайней мере, я был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой еще на корабле полупинты бренди меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчету, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог шевельнуться; я лежал на спине и обнаружил, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые

волосы. Равным образом я почувствовал, что мое тело, от подмышек до бедер, опутано целой сетью тонких бечевков. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но положение, в котором я лежал, не позволяло мне видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня по левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человеческое существо, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается по крайней мере еще около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе побежали назад; причем некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно все мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким, но отчетливым голосом прокричал: *Гекина дегуль*; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не знал тогда, что они значат. Читатель может себе представить, в каком неудобном положении я лежал все это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать вере-

вочки и выдернуть колышки, к которым была привязана моя левая рука; поднеся ее к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, рванувшись изо всей силы и причинив себе нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыца вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко выкрикнул: *Толго фонак*. В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того как у нас в Европе стреляют из мортир, причем, я полагаю, много стрел упало на мое тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град прошел, я застонал от обиды и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первого, причем некоторые из этих существ пытались колоть меня копьями в бок, но, к счастью, на мне была кожаная куртка, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное — пролежать спокойно до наступления ночи, когда мне нетрудно будет освободиться при помощи уже отвязанной левой руки; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь с какими угодно армиями, которые они могут

